

Крылов В.Н. (Казань, Казанский университет)

Источниковедческие аспекты изучения истории литературной критики

В качестве основного источника для построения истории критики обычно привлекаются газетно-журнальные тексты различных критических жанров (рецензии, статьи, обзоры и т.д.). На них, как правило, основывается исследователь, реконструируя историю оценок и интерпретаций, демонстрируя, как на протяжении истории литературы происходит смена способов постижения литературы и воздействия на нее со стороны критики, как критика участвует в организации, интерпретации и прогнозировании литературного процесса. Очевидно, что вопрос о составе и характере используемых при этом источников обусловлен пониманием самого *предмета* этой истории. Среди важнейших аспектов концептуального изучения критики следует выделить проблемы взаимодействия критики и литературы, форм функционирования критики, восприятия критической мысли в синхронии и диахронии. И это с неизбежностью ставит вопрос о необходимости расширения источниковедческой базы истории критики, дополнения ее эпистолярными, дневниковыми и мемуарными суждениями о литературе, критикой в «составе» художественного текста, анкетами читательских интересов, вариантами статей, неопубликованными текстами и т.д. П.Н.Сакулин предлагал в «Синтетическом построении истории литературы» включить в историю критики и «историю литературных мнений и вкусов», «собрать по письмам, мемуарам, литературным произведениям все, в чем выражаются литературные вкусы эпохи, хотя и не получившие законченного выражения в какой-нибудь критической статье» [13, с.40-41].

Так, «эгодокументальная» критика - это не критические статьи в форме писем или дневника, а критические фрагменты, вкрапленные в обычные письма или дневники. Эпоха серебряного века дает и примеры полных писем – критических статей (как письмо З.Гиппиус к Б.Савинкову, где анализируется роман «То, чего не было») [7, с.207-211]. Письма, дневники, мемуары, записные книжки могут включать размышления об искусстве, литературе, конкретные литературно-критические оценки художественных явлений, обсуждения статей, отзывов о «своих» и «чужих» произведениях. Нередко они выступают одним из основных источников для реконструкции литературно-критических взглядов писателя, как, например, в случае с Л.Толстым.

Его дневниковые записи 1890–х гг. полны размышлений о неприятии авторитетов, об атмосфере хвалителей, которые есть у каждого писателя (что развращает писателя) и т. д. 19 февраля 1891 г. Толстой записывает в дневнике: «Сейчас думал про критиков: дело критики – толковать творчество больших писателей, главное – выделять, из большого количества написанной всеми нами дребедени выделять – лучшее. И вместо этого что ж они делают? Вымучат из себя, а то большей частью из плохого, но популярного писателя выудят плоскую мыслишку и начинают на эту мысли[шку], коверкая, извращая писателей, нанизывать их мысли. Так что их руками большие писатели делаются маленькими, глубокие – мелкими, и мудрые глупыми. И отчасти это отвечает требованию массы – ограниченной массы – она рада, что хоть чем-нибудь, хоть глупостью, пришпилен большой писатель и замечен, понятен ей; но это не есть критика, т. е. уяснение писателя, а это затемнение его» [14, 52, с.8]. Эта запись интересна тем, что в ней, наряду с негативным отношением к критике, есть и представление о том, какой она должна быть. И это позволяет разграничить, по крайней мере, 3 аспекта отношения Толстого к критике: отношение Толстого к критике вообще как специфическому роду

деятельности, к её возможностям и ограниченности; оценка ее современного состояния; взгляд Толстого на идеал критики, какой она должна быть?

В письме к Н.Н. Страхову звучит толстовский совет критикам: «Теперь же...когда 9/10 всего напечатанного есть критика, то для критики искусства нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в худож[ественном] произвед[ении] и постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений» [14,62,с.269]. Видя в оценочной стороне критики «бессмыслицу», Толстой ратовал за «посильное толкование» [14 , 48,с.119-120]. Приведенные суждения позволяют доказать, что эта тема его волновала, но уровень современной критики не удовлетворял.

Представляет ценность и материал, связанный с обстоятельствами создания тех или иных критических работ: ведь, как правило, историки критики ограничиваются исключительно *законченными* текстами литературно-критических статей, игнорируя их варианты, движение, историю их создания, тем самым, отсекая возможность изучать замысел, творческую историю критических текстов, особенности мышления критика. Можно считать единичными попытки написания текстологической истории отдельной статьи [4]. При изучении литературно-критических статей Д.С.Мережковского необходимо обращение к т.н. подготовительным материалам (планы и выписки для статей, черновые автографы статей), отражающим специфику его творческого метода (фонд Мережковского в ИРЛИ).

Чтобы реконструировать историю создания книги В.В.Розанова «Литературные очерки», мы обращаемся к переписке П. П. Перцова и В.В. Розанова. В письме П.П.Перцова от 7 ноября 1896 г., с которого началась их переписка, содержится очень высокая оценка статей Розанова: «О

дорогом близком человеке хочется говорить с другим, которому он был также близок и который так хорошо умел его понять. К этому присоединяются постоянные мои симпатии к Вашим статьям ...Говоря без обиняков, нередко отдыхаешь на Ваших статьях, после того как окунаешься несколько раз в наши критико-публицистические водоемы» [10]. Предложение П.Перцова собрать и издать первые сборники статей В.Розанова было воспринято им с благодарностью. В их переписке обсуждаются и особенности композиционного оформления, заглавия, и состав, и внутренняя идея книги. Розанов сопоставляет свой сборник «Литературные очерки» и книгу «Вечные спутники»: «...Статьи мои – не имеют в теме важности «вечных спутников» и такой тщательной обработки; но почти везде есть тревожная мысль и чистосердечие: то есть они могут будить читателя; и, кроме того, конечно, я найду несколько десятков интимно-любящих читателей: истинная и полная награда писателя» [12,с.500].

При исследовании такого явления модернистской критики конца XIX – начала XX вв., как книга (сборник) статей, необходимо учитывать, что перед авторами, как правило, стояла задача отбора и доработки статей, чтобы они представляли самостоятельное целое, отвечающее основной задаче книги. При включении в сборник статьи могли подвергаться изменениям, переработке, касавшихся объема статей, их стилевых особенностей, названий. Так, в современных переизданиях статья К.Бальмонта «Сквозь строй» публикуется по «Горным вершинам», но текст отличается от журнального варианта (под заглавием «Некрасов»). Например, полностью выпадает фрагмент о материнских образах Некрасова: «А сколько материнских тоскующих обликов! Некрасов, первый и единственный из русских поэтов, создал материнский образ и воспел женщину независимо от ее чувственного очарования. Орина, мать солдатская, ждавшая своего сына восемь лет, чтобы увидеть его

лишь на несколько дней, загнанного, замученного, умирающего. Подобные плакучим ивам, скорбящие матери, сыновья которых убиты на страшном поле сражения. Незабвенная мать маленького Демушки. И русокудрая голубоокая мать самого поэта, величаво-безгласная мученица—мы ее не знали, и все же мы ее знаем, мы ее любим и видим «прекрасным призраком с безумными глазами» [2,с.44].

При изучении истории литературной критики возникает и своего рода *историко-функциональный* сюжет – прослеживание движения критической мысли во времени, восприятие наследия значительных критиков в новую эпоху. Критике не дано так, как высокой литературе, жить в веках, становясь уделом специалистов и редких пытливых читателей. Еще А.В. Дружинин отмечал невозможность для критика «соревноваться» с писателем в воздействии на последующие поколения: «Истинный критик... есть деятель своего поколения, источник нескольких благотворных преданий для потомства. Ему дано великое могущество, но срок этого могущества не долог»[5,с.462]. Но все-таки лучшие образцы критической классики оказываются шире своего исторического времени, что связано с переоценкой эстетических идей и критических суждений прошлого, с актуализацией личностных исканий талантливых критиков.

Имя Белинского принадлежит к таким немногим исключениям из пантеона русской критики, на протяжении всей второй половины 19 века вопрос о Белинском был постоянным предметом острых споров, идейно-эстетической борьбы, возбуждая и восхищение, и раздражение, и противостояние сторон. Сейчас мы отмечаем двухвековую годовщину В.Г.Белинского. В этой связи актуально обращение к оценке личности и творчества зачинателя русской критики эпохой серебряного века, для которой характерен взлет критического творчества и острейшие споры о критике вообще. В аспекте рецепции классического литературного наследия серебряный век русской культуры уникален. За последние годы

вышло в свет немало новых (или известных ранее не в полном виде) воспоминаний, позволяющих дополнить картину критико-эстетических исканий рубежа веков («Непримечательные достоверности» Л.В.Розенталя, «Из мира литераторов» Ф.Ф.Фидлера, «Вакх и Сирены» М.Н.Семенова, «Роман моей жизни» И.И.Ясенского и др.).

В это время по-новому были прочитаны не только писатели, но и критики, было восстановлено значение таких фигур русской критики, как А.Дружинин, А.Григорьев, В.Майков, Н.Страхов. Для уяснения особенностей восприятия Белинского в данную эпоху необходимо учесть, что к концу XIX века была написана первая документальная биография Белинского (труд А.Н.Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка» в 2-х томах), опубликованы воспоминания о нем, переписка, первые историко-литературные исследования, изданы Сочинения в 4-х томах (1896), появились первые массовые издания его сочинений (Виссарион Григорьевич Белинский об А.С.Пушкине. Сб.ст. М.: И.Д.Сытин, 1899). Многие потом опирались именно на книгу А.Н.Пыпина, написанную с позиций либерального просветителя-позитивиста. Г.В.Плеханов признавался, что в серии статей о Белинском из нее заимствовал «большинство данных, относящихся к истории умственного развития Белинского» [9,с.26]. Ей также пользовался Д.С. Мережковский [8]. В статьях В. Розанова, Н.Бердяева, Е.Колтоновской развивалась идея «великого сердца», выдвинутая впервые С.А.Венгеровым в «Очерках по истории русской литературы» (Рус. богатство. 1898, №3, с. 151 -185, №4,с.125 -160, № 5,с.204 -227). При этом показательно, что творчество Белинского в 1890-е годы оставалось вне гимназических курсов, хотя еще в 1860-е годы были попытки включения в учебные программы его критических работ. Вместе с тем, степень известности Белинского в среде юношества была велика. Уже в 1915 г. В. Голубков утверждал: «По установившейся школьной практике, знакомство с некоторыми

критическим статьями, напр., со статьями Белинского, Добролюбова, считается обязательным» [5, с.4]. Для полной реконструкции картины восприятия Белинского на рубеже XIX-XX вв. мы обращаемся к воспоминаниям, выступлениям о нем (в юбилейные дни 1898 и 1911 гг.). Замечательно, что некоторые юбилейные сборники содержат такой редкий источник, как тексты *сочинений* учащихся. В связи с гоголевскими торжествами 1909 года произносились юбилейные речи, проводились конкурсы на лучшие сочинения в гимназиях, кадетских корпусах. Как, например, в Симбирске, где учащиеся кадетского корпуса выступали с сочинениями (этой чести были удостоены лучшие). Сочинение-речь «Гоголь как писатель-реалист», прочитанное кадетом 7 класса Кастрицыным, содержит большой «кусочек» о «Старосветских помещиках»: «Возьмите его «Старосветских помещиков». Здесь не более, как две пародии на человеческое существо; забота их жизни, это- забота о пище. Но как сама по себе ни ничтожна картина повседневной жизни этой мирной четы, как ни отталкивает нас пошлостью и уродливостью своей животной жизни, мы невольно чувствуем симпатию к этим людям...» [11,с.9]. Трудно не узнать в этом рассуждении почти буквальное воспроизведение известной статьи Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя»: «Отчего это? Оттого, что это очень просто и, следовательно, очень верно, оттого, что автор нашел поэзию и в этой пошлой и нелепой жизни, нашел человеческое чувство, двигавшее и оживлявшее его героев: это чувство- привычка» [3,с.147]. Ср. с фрагментом из сочинения кадета: «Но почему? Да потому, что Гоголь, со свойственной всем великим писателям проницательностью подметил человеческую черту в жизни старосветских помещиков: их взаимная любовь и привязанность основана на привычке».

Чтобы показать, как постепенно происходило внедрение сочинений Белинского в школьные курсы, мы обращаемся к таким специфическим

(официальным) источникам, как «Сборники постановлений и распоряжений по Министерству Народного просвещения», «Списки, книг, разрешенных Министерством Народного просвещения». Изучение методической литературы конца XIX- начала XX в. позволяет выдвинуть *гипотезу* о том, что уже в этот период делаются попытки *использования* русской критики в воспитательных целях, как некой части официальной идеологии. В предисловии к 3-му (1899) и 4-му (1902) изданиям «Пособия для литературных бесед и письменных работ» Ц.П.Балталон писал: «...особое внимание, связанное с чествованием памяти В.Г.Белинского, было обращено в эти последние годы на высокое воспитательное значение литературной критики как для всего общества, так и для юношества, при изучении истории литературы. Сознание важности литературной критики выразилось, между прочим, и в том, что министерство народного просвещения признало образовательную пользу и значение критических статей Белинского, как материала для чтения учеников средней школы» [1,с.VII]. Дополнительным источником рецепции Белинского стали в конце XIX века произведения т.н. «стихотворной беллетристики», т.е. массовых стихов, в обилии появившихся в юбилейные торжества (часть их собрана в сборнике «Памяти В.Г.Белинского» (1899).

Расширение источниковедческой базы истории литературной критики позволяет, во-первых, уточнить представления о формах функционирования критики в литературном процессе, во-вторых, дает возможность изучать восприятие и интерпретацию творчества отдельных критиков. И то, и другое делает реконструкцию критико-эстетических вкусов разных эпох живой и многообразной.

Библиография

1.Балталон Ц.П. Пособие для литературных бесед и письменных работ. 10-е изд. М.,1914. - 230 с.

2. Бальмонт К.Некрасов// Новый путь. - 1903.- №3.-С.41-47

3.Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу. М.: Современник, 1988. – 653с.

4.Богомолов Н.А.К истории «Ключей тайн»// Вокруг «серебряного века»6 Статьи и материалы. М: Новое литературное обозрение, 2010.- С.259-290

5.Голубков В.Пособие к изучению художественных произведений. – М.: издание Бр. Башмаковых,1915 - 168 с.

6.Дружинин А.В. Прекрасное и вечное. М.: Современник, 1988 – 543с.

7.«Заграничные связи нам слишком дороги»: Письма З. Гиппиус, Д Мережковского, Д. Филофова к Б. Савинкову. 1912 – 1913 годы / Публ. Е.И. Гончаровой // Русская литература. – 2006. - № 1. – С. 192-217

8.Мережковский Д.С. Автограф выписок к статье «Завет Белинского». ИРЛИ,. 24.232.

9.Плеханов Г.В.Эстетика и социология искусства. В 2-х т.М.: Искусство, 1978 –Т.2- 439 с.

10.Письма П.П.Перцова В.В. Розанову// РГАЛИ, ф.1796,оп.1,ед.хр.77

11.Празднование столетия со дня рождения Н.В.Гоголя в Симбирском кадетском корпусе 20 марта 1909 г. Симбирск,1909. – 33 с.

12.Розанов В.В. Сочинения. М.: Сов. Россия,1990 - 586 с.

13.Сакулин П.Н.Филология и культурология. М.: Высш. шк., 1990. - 240 с.

14.Толстой Л.Н.Полное собрание сочинений: В 90 т.- М.;Л., 1928 - 1958. Все сноски даются по этому изданию с указанием номера данного издания, тома и страницы